

Г. Н. Кочешков, Е. Л. Сараева

Истоки русского западничества 40-х гг. XIX века

В статье дан анализ историко-культурных условий возникновения русского западничества в 40-е гг. XIX века и мнений мыслителей и историков по этой проблеме.

Ключевые слова: русские западники, диалог культур, Россия Нового времени, славянофилы, русская мысль.

G. N. Kocheshkov, E. L. Saraeva

Russian Sources of Westernism of the 40-s in the XIX-th century

The article is dedicated to the problem of the historical and cultural conditons of the formation of the Russian Westernizers in 40-s years of the XX century, the analysis of historians' views on this problem.

Keywords: Russian Westernizers, dialogue of cultures, Russia of New Time, Slavophiles, the Russian idea.

Феномен русского западничества 40-х гг. XIX века определялся социокультурным развитием общества в Новое время, историческими реалиями времени, когда вопрос о судьбе России стал предметом интереса не только государства, но и социума. В трактовке исследователями причин происхождения западной интеллигенции есть расхождения. В литературе по теме существует традиция объяснения возникновения западничества усилением охранительных начал в политике Николая I, противоречиями российской действительности. Многие историки видят истоки русской мысли 40-х гг. в философской культуре романтизма. Осмысление темы в свете теории цивилизации представляет западничество как интеллектуальное течение, сформировавшееся под влиянием культуры модерна. Рассматривая деятельность интеллектуалов 40-х гг. в контексте становления либеральной цивилизации, историки интерпретируют западничество и славянофильство как реакцию на процесс модернизации России в форме европеизации [6; 27; 28; 33; 36].

Россия – страна с запоздалой и встретившей сопротивление модернизацией. Антимодернистские теории XVIII–XIX веков были критикой деструктивных последствий модернистской рационализации. По мнению итальянского философа В. Страды, западники – деятели русской мысли и культуры, противостоявшие антимодернистским силам [27, с. 57–63]. Возникновение западничества ведущие специалисты рассматривают в свете теории Модерности, которая историческую

обусловленность западничества связывает с необходимостью поддержки «западнизации» – заимствования материальных и духовных инструментов либеральной цивилизации. Генетическую связь западничества с европеизмом прослеживает В. Г. Щукин, отмечая, что оно возникло в результате разрушения патриархального уклада и формирования общества Нового времени, а также всемирной экспансии западноевропейской культуры [37, с. 197]. С европеизацией русской культуры связывают становление новых мировоззренческих систем в России XVIII – первой половины XIX века Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова [23, с. 150].

Эти ракурсы осмысления происхождения западничества – один в контексте модернизации общества, другой в свете политической и социокультурной ситуации 30–40-х гг. XIX века, третий в рамках философского движения – необходимы для понимания исторической обусловленности этой идеологии, интерпретирующей процесс развития общества на этапе его модернизации.

Становление нового общества в петербургский период включало в себя такой важный компонент, как формирование различных систем ценностей, определявших содержание идеологий, обосновывавших пути движения страны. *Осмысление модернизации российского общества может быть осуществлено с позиций признания или отрицания взаимодействия России с другими народами, на основе либеральных или*

консервативных ценностей, в рамках системно-центристского или персоноцентристского сознания. По убеждению А. В. Оболонского, исторические явления важно оценивать сквозь призму интересов государства, больших социальных групп и индивида. Определение аксиологических основ социокультурных процессов позволяет выявить их направленность [18].

Ориентация на общечеловеческие ценности, воспринимавшиеся в России как духовное содержание цивилизации Запада, вела к становлению сообщества русских европейцев – сторонников взаимодействия с другими культурами. Поборники культурной унитарности доказывали самодостаточность духовного потенциала русского народа, способного обеспечить движение нации к нравственному идеалу. Они заняли позицию ограничения контактов с другими культурами. Эти различия в ориентациях обусловили идейный раскол общества на «русских европейцев» и «истинных патриотов». Выбор между традициями и инновациями определил распад общества на консерваторов-традиционалистов и либералов – сторонников реформ. Признание государственных интересов как приоритетных – условие формирования системноцентристской картины мира. Примат интересов личности – основное утверждение обладателей индивидуалистического, персоноцентристского сознания.

Петровские реформы обусловили появление прозападной части общества, расширение пространства русского европеизма. С XVIII века европеизм как умонастроение, признававшее цивилизующее значение западного влияния, определял поведение политической элиты и светского общества. В этом смысле западничество имело глубокие социокультурные основания в общественной жизни XVIII – первой половины XIX века. Прозападная ориентация общества поощрялась государством, допускавшим личное и книжное знакомство с европейским историко-культурным миром. Однако правительственная политика европеизации страны была крайне противоречивой, поскольку базировалась на имперских интересах авторитарной власти. Внешне покровительственное отношение государства к вестернизации страны, однако, не означало допущения свободы культурного самоопределения общества. Государство стремилось контролировать общественную жизнь. Социуму была отведена роль аудитории, воспринимающей идеи императорского двора. Петр I обязывал общество усваивать новый тип поведения, когда поддан-

ный, оставаясь в зависимости от власти, должен был проявлять инициативу, осведомленность, компетентность, готовность служить монархии. Внутренне противоречивый идеал личности, созданный в петровскую эпоху, – просвещенной, но ненесвободной – должен был формировать тип культуры светского круга. В русской исторической мысли с XIX века обращалось внимание на конфликтность смыслов типа культуры личности, предопределенного петровским государством: человек, поработанный властью, оставаясь рабом, должен действовать сознательно, свободно, проявлять самодеятельность. Это противоречие между личностным и государственным началами в новой культуре В. О. Ключевский оценивал как неразрешимую загадку совместить несовместимое – деспотизм и свободу [15, т. 4, с. 203].

Важные последствия петровских преобразований – импорт западных технологических и культурных образцов, повышение жизнеспособности самодержавной власти, крайний авторитаризм, наступление власти на ценности людей, снижение благосостояния народа [1, т. 1, с. 151–185]. Создание в эпоху Петра I отдельных образовательных учреждений не сопровождалось появлением культурной элиты, сформировавшейся позднее – в период Просвещения в результате расширения свободы дворянства. А. В. Оболонский доказывает, что Петр I, не признававший права человека на жизнь, самостоятельность, свободу, счастье, не был западником, стремившимся цивилизовать Россию. Мнение о Петре I как реформаторе, создавшем цивилизацию на основе новых духовных ценностей, – это миф, считает А. В. Оболонский. В его трактовке целевая ориентация петровского государства – повышение функциональной эффективности системы управления [18, с. 55].

Усилия власти были направлены на развитие государственного сознания людей, что соответствовало решению задачи строительства сильной империи, содействовало преодолению стереотипов традиционной жизни, формированию национальных идей. В сознании общества петровского периода произошло укоренение системноцентристских ценностей, утверждающих приоритет государственных интересов над личными. Это поднимало авторитет монархии и препятствовало становлению личности.

Открытый характер российского общества петербургского периода не позволял государству жестко контролировать процесс знакомства с иными культурами, а требования к образованно-

сти и насильственная ориентация на европейские образцы поведения, создание культурных объектов обусловили необратимость процесса саморазвития общества. В петровскую эпоху социокультурные изменения еще осуществлялись по воле самодержца, а дворянство не испытывало потребности «европеиться». Незаинтересованность авторитарной власти в появлении независимой просвещенной личности в стране доказывается медленным развитием новой культуры, утверждающей ценность человека. Европеизация в петровский период не равнозначна процессу развития индивидуального сознания. Расхождение в осмыслении социокультурных последствий петровской модернизации настолько значительны, что изучение социальных процессов того времени сохраняет свою актуальность.

Процессы европеизации, модернизации и цивилизации общества не были тождественными. Различия смыслов этих явлений не сознавали уже многие современники тех событий. Они недостаточно определены и в научной литературе, в трактовке некоторых историков одно из этих явлений совмещалось с другим. Европеизация – заимствование опыта Запада – содействовала модернизации, понимаемой как изменение форм и смысла движения общества, признававшего развитие значимой ценностью. В процессе модернизации шла цивилизация общества – освоение гуманистических ценностей, развитие сознания человека, расширение его духовных потребностей, рост правовой защищенности, расширение знаний, включение его в гражданскую деятельность. Цивилизация общества – одно из направлений модернизации страны. Взаимно обусловленные процессы европеизации, модернизации, цивилизации имели в российской реальности и общие конструкции, и не сочетаемые компоненты. Деспотическое государство содействовало копированию отдельных образцов культуры Запада, модернизировало разные сферы жизни страны, но ограничивало свободу личности.

Концепция западного Просвещения формировала идейно-аксиологические основы культуры Нового времени (периода Модерна) с ее утверждением прав человека. Самодержавие, уверенное в подконтрольности ему общественной и культурной жизни, до 90-х гг. XVIII в. благосклонно воспринимало ученическое заимствование компонентов образа жизни европейской аристократии и восторженное их воспроизведение в России. Екатерина II цивилизовала отношения с подданными, однако оставила за государством

право опекать социокультурную жизнь в стране. Воспитание у дворян представлений о чести и достоинстве, немислимое в жестокие петровские времена и ставшее новым направлением политики Екатерины II, вело к формированию новой личностной культуры. Просветительские идеи нашли понимание в образованном обществе. Однако не было целостного восприятия идей Просвещения. Существенные различия в интерпретации текстов французских мыслителей говорят об идейном многообразии в русской культуре. В публицистике и художественной литературе звучала тема личности, центральной в идеологии русского Просвещения. Тем не менее, слабо поддержанная общественным мнением и не свойственная просветительскому дискурсу политической элиты, она не приобрела приоритетного значения в дворянской культуре второй половины XVIII века.

Прочной основой движения нового общества стало формирование культурной среды – совокупности социокультурных учреждений (учебных заведений, театров, библиотек, музеев, клубов, салонов и т. д.), включавших людей в познание мира, содействовавших расширению их запросов, обеспечивавших трансляцию ценностей и идей, создание системы культурной коммуникации. Культурная среда обеспечивала устойчивое саморазвитие общества, ослабление зависимости его жизни от государственной политики. Приобретение обществом относительной свободы деятельности – важнейшее последствие его духовного развития в екатерининское время. Образование, литература были признаны высшим обществом значимыми ценностями. Чтение, бывшее сначала модным занятием, становится характерной чертой культуры образованного человека. Литература, прежде всего европейская, языки, были мощной моделирующей мир системой [10, с. 257], открывающей неограниченные возможности для познания. Круг идей, понятий, усвоенный читающей публикой, был мозаично разнообразным, широким. Образованное общество было открыто для различных влияний. Культурное развитие людей благодаря образованию и литературе вышло из-под контроля власти. Культура русской публики была типологически связана с культурой Европы.

Раздвоенность начал культуры русского Просвещения (признание ценностей авторитарной власти, с одной стороны, и естественных прав личности – с другой) вела к формированию разнонаправленных тенденций развития образован-

ного общества. Сориентированные на службу монархии слои общества демонстрировали преданность престолу и признание интересов власти. Часть просвещенного общества, ценившая свободу личности, включилась в независимую интеллектуальную деятельность. Часть дворянства после освобождения от обязанности служить государству предпочла праздный помещичий быт.

Раскол общества был порожден различными идейно-политическими и культурными ориентациями людей. Исследователи преимущественно выделяют две конфронтационные тенденции: между либеральным меньшинством и консервативно настроенным большинством, между прозападной частью общества и сторонниками самобытности России [16, с. 157–187]. Распад общества был обусловлен и различным отношением к правам человека. Ориентация высокообразованных людей на идеи Просвещения определила становление гуманистической культуры, основанной на ценности свободной, самостоятельной, просвещенной личности.

Новым значимым компонентом творчества историков, публицистов, литераторов второй половины XVIII – начала XIX века стала национальная рефлексия. Начавшееся осмысление политических, социальных и нравственных основ развития России закрепляло за культурной элитой миссию духовных учителей общества, сумевших снизить роль государства в формировании картины мира. Проблематика русской мысли выявляла конфликт между традиционными и модернизационными процессами в стране. Центральный круг вопросов, вызвавших дискуссии интеллектуалов в конце XVIII века, – влияние традиционной русской культуры на исторический выбор России, причины отставания страны, последствия петровских реформ, отношение к европейской цивилизации, пути преодоления отсталости, идейно-нравственные начала движения общества. Ознакомление с богатой культурой других народов привело интеллектуалов к убеждению в необходимости понять российскую историю, что позволяло воспитывать людей [13, с. 353–354]. Показательно сопоставление Н. М. Карамзиним двух точек зрения на направления развития России. Сторонники самобытности были встревожены возможным изменением характера русского народа и его нравственных установок в результате подражания Европе. Полемизируя с традиционалистами, Н. М. Карамзин обосновывал обращение к опыту развитых народов необ-

ходимостью преодоления отсталости страны. В арсенале его аргументов была мысль о просвещении как основном пути прогресса, одинаковом для всех народов. С грубостью, невежеством, праздностью, скукой Петр боролся, просвещая умы, считал Карамзин.

Идеология Просвещения влияла на определение смысла культуры, позволяла воспринимать отношения между Россией и Европой в новом ракурсе – видеть общечеловеческие и национальные начала в жизни. «Все народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для русских... я человек!» [13, с. 355]. Усвоенную из просветительской идеологии мысль о достоинстве человека Карамзин развивал в «Письмах русского путешественника». Внимание публики к этому сочинению Карамзина сохранялось и в 40-е гг. XIX века. «Письма» воспитывали интерес к иной культуре, передавали восторженное отношение автора к Франции как культурному центру Европы. В интеллектуальных кругах конца XVIII века началась полемика о реформах Петра I, основные аргументы ее участников Карамзин воспроизвел в своем сочинении. На критику реформ как исключительно подражательных, не имевших смысла, лишь искоренявших русские традиции и изменявших «нравственную физиономию» народа, Карамзин ответил обоснованием необходимости преобразования культуры личности. Он оценивал реформы с точки зрения интересов развития личности. Закоснелые традиции русской жизни были грубы, препятствовали восприятию нового. Монарх своей «деятельной волей и беспредельной властью» смог победить «упорство в невежестве». В этой оценке деятельности Петра просматривается особенность взглядов Карамзина – акцентирование внимания на просвещении как основном пути совершенствования человека и общества.

Западное Просвещение, формирующее представление об универсальных интересах людей, определяющее константы цивилизационного движения, создавало определенный идеал общественного развития. Восприятие Европы в контексте абстрактного социального идеала содействовало созданию в русской культуре образа Запада, где ценности личности соединяют людей, формируют общее культурное пространство, ядром которого являются просветительские идеи. Этот ракурс рассмотрения европейской цивилизации был одной из основных причин идеализации образованными людьми Запада. Главным

вопросом эпохи русского Просвещения стал вопрос о духовной сущности человека [17, с. 223]. Новые образы людей, созданные деятелями русской культуры, помогали человеку творить свою личность. Н. М. Карамзин завещал русской культуре идеи уважения к истории народов, воспитания потребности в любви, интереса к внутреннему миру человека [13].

Просветительская идея формирования гражданского общества, получившая развитие в книге А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» [22], содействовала становлению интеллектуального течения, обосновывавшего необходимость уничтожения рабства и развития личности не только дворянина, но и крестьянина. Не будучи центральной в русской мысли периода Просвещения, она определила направленность деятельности декабристов, а затем западников.

Интеллектуалы эпохи Просвещения обсуждали проблемы формирования нового дворянства, культурных основ его деятельности, особенностей европеизации форм поведения и общения дворян. Контрасты российской действительности получили различные трактовки в трудах просветителей. В образованных кругах возникла полемика о смысле и формах рождающейся культуры общества периода Модерна. Однако русская культура XVIII века, как пишет И. Кондаков, «не могла быть представлена в одной непротиворечивой смысловой системе» [16, с. 182]. В рамках культуры дворянства выделялись субкультуры, различавшиеся по своим ценностям и идеалам.

В первой трети XIX века продолжалось «вызревание русского общества, обретение им самостоятельности и собственного лица», апробирование различных видов общественной деятельности в условиях относительной свободы печатного и почти полной свободы устного слова, отмечает В. М. Бокова [4]. Общество александровского времени проявило значительный интерес к политическим проблемам. В молодежной культуре сочетались мировоззренческие ценности Просвещения и романтические идеалы. Формирование национального самосознания в александровскую эпоху, о котором много пишут историки [20; 29], хотя и не сопровождалось основательными теоретическими изысканиями, содействовало включению в культурное пространство многих социально-политических, нравственных идей. Основной легальной формой интеллектуальной деятельности того времени была литература. Русская классическая литература с ее глубоким интересом к внутреннему миру человека,

вобравшая ценности, идеи, идеалы, присущие гуманистической мировой культуре, представляя все стороны русской действительности, обогатила духовную жизнь образованных людей, приобщая к рефлексии, увлекая в размышления над проблемами бытия. Творчество Карамзина, Пушкина, Грибоедова было художественной формой осмысления многообразия культуры нации, национально-исторического самосознания [16, с. 191]. В русской культуре выявляются бинарные смысловые структуры: абсолютизм и свобода, охранение и модернизация. Культурное меньшинство постепенно усиливало свое влияние на духовную эволюцию общества.

Свободомыслие, широкий государственный взгляд на проблемы России, желание служить отчизне, «души прекрасные порывы», честь и благородство – идейно-нравственные основы жизнедеятельности культурной элиты первой трети XIX века [21, с. 136–137; 38, с. 100–114]. Общечеловеческое содержание жизни, внутренняя красота человека и лелеющая душу гуманность, делающая из героев людей, – черты картины мира, созданной Пушкиным в своих сочинениях, которые привлекали мыслящих людей, чем и объясняется, по мнению В. П. Боткина, сосредоточенное внимание к творчеству поэта [5, с. 242]. Испытавшие на себе благотворное влияние поэзии Пушкина, деятели западнического круга писали, что чтение его произведений давало воспитание человека в человеке [5, с. 242]. Внимание Пушкина к «маленькому человеку», его идея «самостоянья человека», всечеловечность воспитывали уважение и интерес к внутреннему миру личности. Гуманистическая русская культура формировала новый тип человека – независимого, уважающего свое достоинство и свободу духовной жизни, а научная мысль воспитывала потребность в рефлексии, в познании истины.

Победа России в войне с армией Наполеона, обеспеченная патриотическим единением русских людей, дала импульс к осмыслению судьбы России в рамках бинарной оппозиции «Россия – Запад». Важно уточнить, что идейные основы русских либералов александровской эпохи принципиально отличались от правительственного западничества XVIII – первой четверти XIX века. Различия в ценностных позициях власти и независимой от нее интеллигенции обусловили оппозиционность последней, отчетливо проявившуюся в последние годы царствования Александра I. Однако оппозиционность мыслящего меньшин-

ства была гибкой, так как интеллигенция того времени с одобрением относилась ко всем преобразованиям на основе просветительских идей. Осознав неспособность александровской бюрократии провести либеральные реформы, радикально настроенные офицеры, убежденные в актуальности модернизации политической и социальной структуры в стране, начали самоотверженную борьбу за права человека. Декабризм свидетельствовал об окончательном расколе между независимо мыслящим меньшинством, видевшим свое назначение в отстаивании суверенитета личности, и самодержавием. Значение декабристов для духовного развития общества А. В. Оболенский видит в расшатывании традиционалистской системы моральных стереотипов и утверждении персоноцентристских ценностных ориентиров [18, с. 86]. Тактика военной революции, к которой обратились декабристы, показала свою несостоятельность в тех условиях российской действительности.

Многостороннее осмысление судьбы России, как убедительно доказывают ученые, стало ведущим направлением в интеллектуальной истории последекабристского периода [24]. В. Г. Щукин пишет, что связующим звеном между «поколением победителей» и поколением кружков 1830–1840-х гг. стал П. Я. Чаадаев, создавший первую историософскую концепцию западнического характера. В первой половине 30-х гг. приобрела популярность ранняя, романтическая разновидность западничества [36, с. 56–85], одной из форм которого стала статья И. В. Киреевского «Девятнадцатый век» [14, с. 85–108]. Наследники Чаадаева обратились к проблемам русской и западной истории и современности, заимствовав отдельные идеи у «басманного» философа. Чаадаев был сторонником усвоения духовных основ западноевропейской культуры [36, с. 82]. Содержание последекабристской мысли Е. Л. Рудницкая определяет как «поиск путей России» [24, с. 4]. Интеллектуалы последекабристского времени были увлечены историко-философским осмыслением особенностей социокультурного развития России. Работа мысли пронизывает литературно-художественное творчество, критику и публицистику участников этого умственного движения. Выявляя смысловое содержание теоретической деятельности интеллектуалов первого последекабристского периода, Е. Л. Рудницкая отмечает ее сосредоточенность на «поиске типа развития, отвечающего национальным интересам» [24, с. 8]. Возникает традиция осмысления судьбы Рос-

сии в контексте мировой истории. Своеобразие идейного течения этого времени Е. Л. Рудницкая видит в его нравственно-этическом компоненте и в либерально-консервативном характере.

В литературе обсуждается вопрос о влиянии исторических условий последекабристского периода на развитие русской мысли. По мнению ряда исследователей, дискуссия западников и славянофилов была предопределена *идейной и социокультурной ситуацией николаевского времени*. Западничество было реакцией на националистическую политику николаевского правительства и отражало стремление вернуть отношение к России как европейской стране, полагает Н. И. Цимбаев [33, с. 457–496]. И. В. Кондаков и А. В. Оболенский противопоставляют власти и интеллигенции связывают не столько с ориентацией Николая I на самобытность, сколько с различными системами ценностей. Оппозиционная контркультура персоноцентристов оказалась способной к выживанию в условиях пустоты общественной жизни [18, с. 102]. Споры западников и славянофилов были стимулированы Николаем I, утверждает И. В. Кондаков [16, с. 207]. Идеалу самодержавного государства западники противопоставили идею свободы. *Фундаментальное противоречие российской цивилизации мыслители видят в конфликте между стремлением личности к свободе и имперской державности* [30, с. 161–162; 16, с. 216]. Дилемма между ценностями государства и свободного просвещенного человека стимулировала идейный поиск интеллектуалов. Русский персоноцентризм благодаря мужественным личностям обладал жизненной силой. В новой русской культуре сложилась традиция духовного творчества во имя человека.

Согласно устойчивой историографической традиции осмысления деятельности западников и славянофилов, культурное меньшинство обратилось к интеллектуальному творчеству из-за невозможности участвовать в политической жизни. По мнению Иванова-Разумника, оспаривавшего это утверждение, мировоззрение эпохи нельзя выводить исключительно из условий социальной жизни и среды [11, т. 1, с. 286]. В начале 30-х гг. существовали политические и философские кружки.

Доминантным условием развития русской мысли в 40-е гг. исследователи называют знакомство мыслящего меньшинства с *немецкой философией*. В исследованиях существуют различные оценки причин углубленного изучения западниками философии. По мнению британского исто-

рика Джеффри Хоскинга, интеллектуалы хотели понять самих себя и свое место в социальном организме России. «Это неизбежно поднимало другой вопрос: что такое Россия, и каково ее место в мире?» [32, с. 281]. Философско-историческая и этическая проблематика работ немецких мыслителей, полагает Хоскинг, вызвала огромный интерес у образованных людей и во многом обусловила их научный поиск. Д. А. Чижевский объясняет интерес образованных людей к философии желанием найти в ней теоретическое разрешение насущных политических и социальных вопросов [35]. Философский энтузиазм русских мыслителей 40-х гг. Р. А. Хестанов связывает с их стремлением найти универсалистские философии, которые могли бы подчеркнуть дистанцию между политикой российского правительства и европейскими образцами. Р. А. Хестанов полагает, что обращение дворянской и разночинской оппозиции к философской и исторической риторике было поиском сильного оружия критики социально-политической действительности в России [31, с. 146–147].

А. Валицкий назвал упрощенным мнение, будто настоящим предметом идейных поисков были вопросы, связанные с практической общественной деятельностью. Он отмечает, что поворот в сторону общественной практики наступил позже, по мере разочарования в философии. Философскую горячку объясняют чисто теоретической страстью к познанию недостаточно, так как молодых людей интересовали проблемы освобождения личности, утверждает А. Валицкий. Историк рассматривает интеллектуальную деятельность членов кружка Станкевича как *органичное включение в орбиту европейской культуры Нового времени*. Отличительной чертой этой культуры он считал формирование рационализованного самосознания личности. По его мнению, в России этот процесс принял характер борьбы за освобождение личности от готовых истин [26]. К осознанию потребности в освобождении личности интеллигенты 1830–1840-х гг. шли через осмысление вопроса о назначении человека.

Как сами «русские европейцы» 40-х гг. обосновывали свой интерес к философии? Романтики 30-х гг., будущие западники, изначально ставили интересовавшие их вопросы в философской плоскости. В. Г. Белинский и Т. Н. Грановский, пройдя сложный путь идейных исканий в кружке Н. В. Станкевича, усвоили мысль своего друга о необходимости осознания истины бытия, назначения человека, чтобы самостоятельно опреде-

лить свои жизненные задачи, цель деятельности [19, с. 447–449]. Задача самосознания увлекла друзей в изучение философии, открывающей законы развития мира.

Одновременно с членами кружка Станкевича в 30-е гг. интерес к проблеме смысла жизни проявили А. И. Герцен и его друзья. Как писал Герцен, в студенческие годы стимулом к интеллектуальным занятиям было желание «понять явление жизни» [9, т. 3, с. 93]. Цель своих идейных поисков в 40-е гг. он видел в стремлении «уразуметь жизнь», понять истину [9, т. 6, с. 19]. Свою работу «С того берега» Герцен начал с размышления о значимости саморефлексии, об обязанности человека понять себя. Необходимо «углубление в себя, в жизнь» [9, т. 6, с. 20–21]. *Главным внутренним мотивом идейного творчества западников было стремление к самопознанию и постижению бытия.*

Принципиальные разногласия в суждениях исследователей мы усматриваем по вопросу о внутренней обусловленности возникновения западничества. В ряде работ западничество трактуется лишь как воспроизведение русской интеллигенцией идей европейских ученых. Существует мнение, что западники 40-х гг. не были самостоятельными мыслителями, так как они не оставили оригинальных исследований в области философии, политической мысли, социологии [35]. В других исследованиях западничество представляется итогом развития идейной жизни, вызванной *внутренними потребностями* образованных людей.

Современная методология открывает возможности интерпретации западнической мысли в новом поле «диалога культур». В. С. Библер, понимая диалог культур как *сферу произведений*, уточняет, что диалог культур возможен во времени, когда автор, творивший в одну историческую эпоху, был прочитан читателем, жившим в более позднее время. Осмысление, доработку читателем *послания* автора В. С. Библер оценивает как продуктивный диалог. «Каждый *автор* новой культурной эпохи, создавая свое произведение (художественное, философское, теоретическое, нравственно-религиозное), всегда... оказывается в смысловой перипетии *смыслового*... общения с произведением или автором новых культурных эпох, с их вопросно-ответными смыслами. В каждом новом произведении *автор* диалогизирует с иным автором (авторами)» [3, с. 208]. Осмысление западничества в поле «диалога культур» позволяет раскрыть творческое начало в созда-

нии новой культуры, проследить идейные влияния, формирование общественно-культурной среды.

Важной чертой единства культуры является *одновременность создания произведений*. С этой точки зрения классическое западничество представляет собой единую культуру с присущими ей общими идеями, разделяемыми всеми авторами. В то же время создание мыслителями оригинальных произведений стало условием диалога внутри круга западников. Восприятие, интерпретация, развитие мыслей, высказанных интеллектуалами, создавали диалог идей внутри сообщества, который вел к кристаллизации позиций и вызывал различные суждения по ряду вопросов. Формирование западной культуры как диалога идей внутри «микросоциума», между кружками интеллектуалов, культурами разных эпох позволяет рассматривать ее как творчество мировоззренческой системы, пласт идей, востребованных мыслящей частью общества в 30 – начале 50-х гг. XIX века.

Западники органично включили в свою историко-философскую концепцию идеи различных культур (от античности до Нового времени), развивая их в новой смысловой системе. В. С. Библер считал закономерным и позитивным процесс создания «социума культур», точнее поля культур [3, с. 232]. Западники создали общее информационное пространство. Для их интеллектуальной деятельности характерен живой обмен сведениями. Культурное поле русских мыслителей того времени было исключительно широким. Они фактически вступили в «диалог» со всеми выдающимися учеными-гуманитариями, творчески включая их идеи в свою картину мира. Круг их чтения не был ограничен какой-либо отраслью знания и определенными учениями. «Ни в одной области ведения, ни в одной литературе, ни в одном искусстве не было значительного явления, которое не попало бы кому-нибудь из нас и не было бы тотчас сообщено всем», – характеризовал сферу интересов своих друзей-западников в 40-е гг. А. И. Герцен [9, т. 9, с. 113]. Он называл друзей Т. Н. Грановского талантливыми, развитыми, многосторонними, чистыми людьми [9, т. 9, с. 112]. Повседневное общение и обмен информацией вело к становлению определенной типа культуры западников с присущей ей системой ценностей, представлений о мире, своим знаковым механизмом, дискурсом. Дружеское общение, обсуждение интересовавших их проблем, по свидетельству Герцена, способствовало

выработке общего воззрения в кружке Т. Н. Грановского: «Наш небольшой кружок собирался часто, то у того, то у другого, чаще всего у меня... шел самый деятельный, самый быстрый обмен мыслей, новостей, знаний; каждый передавал прочитанное и узнанное, споры обобщали взгляд, и выработанное каждым делалось достоянием всех» [9, т. 9, с. 113]. Интеллектуальная деятельность западников стала творчеством новой культуры.

Наличие базовых идей, признаваемых западниками, дает основание реконструировать их систему идей развития российского общества. Выявление смыслового содержания западничества возможно на основе анализа текстов ведущих представителей этого течения. Использование этого метода анализа мировоззренческой системы единомышленников доказано специалистами по типологии культуры. Ю. М. Лотман, исследуя формирование типа культуры, пришел к выводу, что он создается в ходе эквивалентного обмена информацией между адресантом и адресатом: «При всем разнообразии вытекающих из этой предпосылки конкретных интерпретаций, у них есть устойчивая общая черта: предполагается, что передающий и принимающий пользуются общим для обоих, данным заранее или возникающим в процессе обмена кодом» [17, с. 63]. По мнению Ю. М. Лотмана, отвлекаясь от случайности конкретного функционирования данной знаковой системы, можно создать основную модель коммуникации, характеризующуюся взаимным равенством переданного и полученного сообщения.

Изучение взаимоотношений западников, их способов обмена сведениями и текстами, позволяет утверждать, что они пользовались общим кодом. Формы общения западников были достаточно разнообразными: выступления в журналах, публичные лекции с кафедр Московского университета, дружеское общение, объемные письма-«диссертации», издание художественных и научных произведений. В ситуации заинтересованности в обсуждении определенного круга вопросов, полной свободы идейного выбора, самостоятельного восприятия элементов иной культуры формирование определенной системы ценностей и идей было актом совместного творческого осмысления исторических, социальных и духовно-нравственных проблем. Западники стремились к самостоятельной трактовке культурных явлений и эмпирической реальности, переосмыслению полученной информации. Их коллек-

тив включал в себя яркие индивидуальности, имевшие широкую общую эрудицию и глубокие специальные знания в различных областях науки и искусства. Это определило создание общего культурного поля и наличие некоторых расхождений в интересах, сферах их деятельности.

Важным условием развития исторической и общественной мысли западники считали *теоретическое осмысление* фактов прошлого. Поиск истины бытия обусловил их глубокий интерес к философии. Обладая широчайшей эрудицией, они считали необходимым ознакомление с культурным наследием человечества и новейшими научными разработками. Они смогли выполнить сложную интеллектуальную задачу – с философско-исторических позиций интерпретировали развитие российской цивилизации, духовное становление русского общества. Осмысление западнического учения в контексте диалога культур позволяет выявить оригинальность проблематики русской мысли – рефлексии российской действительности. В трансформации идей европейских ученых применительно к специфическим условиям России видит В. Страда своеобразие мировоззрения западников [27, с. 62]. Западники искали ответы на вопросы национальной жизни. Культурная жизнь на Западе, профессиональная деятельность «людей умственного труда» и интеллектуальная атмосфера в обществе содействовали расширению западниками задач своих идейных поисков. Их заинтересовали вопросы развития народов и человечества.

Теоретическую основу размышлений «русских европейцев» 40-х гг. составили идеи многих западных философов и русских мыслителей. Они были хорошо осведомлены практически обо всех течениях западной историографии и социальной мысли. Западники знали идеи Просвещения, но непосредственно их восприняли из работ немецких философов. Либерализм западников, по мнению В. Г. Щукина, восходил к гуманистическим традициям Ренессанса и Просвещения, которые формировались в оппозиции к средневековой христианской религиозности и провозглашали эмансипацию человеческой личности от разного рода надличностных авторитетов, как на земле, так и на небе [36, с. 116, 149]. Из философии Просвещения западники заимствовали рационалистический взгляд на мир, идею прогресса как постепенного совершенствования человечества, освобождения разума от суеверий, постулат о направленном развитии общества, теорию о влиянии климата на историю людей и другие

идеи [23, с. 137]. В философско-исторической литературе высоко оценивается влияние немецкой философии на развитие русской мысли 1830–1840-х гг. Оно определяется как значительное воздействие учений германских мыслителей на тип мышления абстрактными категориями и расширение круга историософских интересов русских образованных людей. «Наши мыслители искали и находили в европейской философии базу для создания самостоятельных концепций. ... Европейские теории позволяли выявить основные базисные проблемы, точки отсчета для сравнений и противопоставлений» [25, с. 226]. П. П. Гайденко считает значимой для развития русской мысли идею немецких философов о целеполагающей деятельности людей [8, с. 388].

Необходимо отметить, что западники никогда не придерживались идей только одного мыслителя. Их воззрение складывалось в широком поле философско-исторических, социальных, нравственно-эстетических идей. Так, в 1839 г. Грановский разделял взгляд Гердера на общество и источники его развития, учение Шеллинга о тождестве законов природы и человечества, мысли Канта о возможности развития способностей человека только при совершенном государственном устройстве, он признавал верными законы диалектики Гегеля (одновременно отказываясь считать истинными его представления о содержании исторической науки). Источниками знаний западников были не только философские идеи европейских мыслителей, но и исторические исследования ученых всех предшествовавших эпох. Они были хорошо знакомы с идеями Юма, Робертсона, Вико, Гиббона, Гизо, Тьера, Мишле, Баранта, Тьерри, Нибура, Лео, Роттека, Шлоссера. Представители «старой» школы выдвигали задачу изучить «природу человека», его страсти, чтобы понять природу общества. «Новая школа» предлагала изучать общество на определенной стадии развития, образ мыслей, нравы.

Работы западников свидетельствуют об их критическом отношении к идеям многих ученых. Они творчески применяли их к осмыслению волновавших их проблем. Западники стремились к самостоятельному осмыслению процесса трансформации русского общества в петербургский период. Когда Грановского обвинили в несамостоятельности его взглядов, заимствовании им философских и исторических идей, он ответил на этот вызов в конце одной из лекций: «Далее, меня обвиняют в пристрастии к каким-то системам; лучше было бы сказать, что я имею

мои личные убеждения. Да, я их имею и только во имя их явился я на этой кафедре...» [7, с. 37]. Русские западники знакомились с идеями других интеллектуалов, но не ограничивались ролью учеников и комментаторов чужой мысли. Они возражали против оценки их философско-исторического учения лишь как воспроизведения мыслей европейских ученых. Герцен считал, что даже восприятие философских систем невозможно без известной степени развития самознания [9, т. 3, с. 8].

Развитие идейной жизни в 30–40-е гг. XIX в. имело и нравственные мотивы – *любовь к отечеству*. Идейным поиском русских интеллектуалов руководило не честолюбие, а сознание неотложной необходимости понять все последствия развития страны под влиянием чужой цивилизации, гуманизации жизни в стране. Любовь к России, по искреннему заверению Чаадаева, помогает представителям идейных школ – западникам и славянофилам – «работать единомысленно и добросовестно в поисках его» (естественного пути России. – Е. С.), каждый по своему разумению. Для этого никому из нас нет необходимости отречься от своих убеждений» [34, т. 2, с. 196–197]. По Чаадаеву, осмысление развития России в период ее европеизации должно содействовать пониманию дальнейшего направления движения страны. Искаженное восприятие исторического процесса западники связывали главным образом с патриотическими чувствами. Не случайно Белинский преимущественно называл славянофильское учение патриотизмом, добавляя такие определения, как «квасной», «мнимый». Его позиция – ничто в истории не может быть возвышено или унижено по пристрастию [2, т. 5, с. 240].

Диапазон решаемых западниками интеллектуальных задач был исключительно широк: поиск истины бытия, овладение всем кругом идей, выработанных мыслителями предшествующих эпох; объяснение целей, факторов, направления и результатов развития человечества и России; осмысление модернизационных процессов в стране, самосознание, определение смысла своей жизни, целей деятельности культурных людей; выработка новой картины мира. Называя себя «европейцами», западники акцентировали внимание на общечеловеческих ценностях. Они создали практическую философию, которая позволяла им выявлять тенденции и динамику модернизации общества. Увлеченные не столько философскими, сколько общественными проблемами,

они находили решение социальных задач преимущественно в историческом контексте. В процессе модернизации западники прослеживали утверждение личностного начала, создание нового поля культуры, содействовавшей гуманизации социальных отношений. Философско-исторические искания западников поначалу совершенно не были связаны с проблемой России и Европы, их интерес к общественным вопросам был вызван неудовлетворенностью положения личности в России, формированием системы ценностей, полагает А. Валицкий [26, с. 146. 179]. В. К. Кантор, не соглашаясь с ошибочным мнением о западничестве как учении о насаждении европейской культуры в России, развивает идею *творчества новой культуры*: «Настоящее западничество – это вера культуры в свои силы, в то, что, научившись, она окажется способной состязаться, соревноваться с Западом, не стараясь, однако, навязать ему свою волю» [12, с. 36–37].

Оригинальные мыслители, отстаивавшие человеческое достоинство, независимость воззрения, западники были яркими представителями русской интеллигенции.

Итак, западничество было порождением совокупности историко-культурных условий. Его возникновение связано со *спецификой модернизационного процесса* в России Нового времени. Трансформация общества сопровождалась его расколом на социальные слои с разными ценностными ориентирами. Сохранение основ политической и социальной систем, успешно адаптировавшихся в условиях модернизации, было главным препятствием цивилизации общества. Мыслящие люди осознали необходимость изменения идейно-ценностных основ трансформации общества, потребность в создании новой культуры, картины мира. Различное осмысление ими проблемы взаимоотношений личности, общества и государства усиливало интерес к созданию новой концепции развития России.

Европейски ориентированные круги общества воспринимали элементы культуры Запада. Дискурс светского общества представлял собой модифицированный вариант ментальности российского дворянства, почитавшего монархическую власть и заботившегося о своих правах и привилегиях. Культура европейской цивилизации эпохи Просвещения глубоко заинтересовала лишь мыслящих людей. Под ее влиянием шло становление новой русской культуры – «русской европейскости», содержание которой определялось

идейно-нравственным выбором ее носителей. «Русская европейскость» XVIII – первой половины XIX века стала культурной средой, порождавшей интерес к вечным проблемам и идеям становления гармоничной личности и общества. *Русская мысль и литература* этого времени открыли новые ракурсы национальной рефлексии, воспитывали новое поколение интеллигенции с развитыми духовными запросами.

Создание светской *культурной среды* способствовало росту числа образованных людей, признававших ценности науки, искусства, литературы. Широкие культурные контакты с Западом, творчество русских интеллектуалов обуславливали *формирование нового информационного пространства* – важнейшего условия становления западной интеллигенцией. Ознакомление с идеями разных мыслителей создавало возможность понять смысл культур.

Этатизм, навязываемый обществу самодержавным государством на этапе, когда власть далеко не в полной мере учитывала потребности модернизации страны, вызывал критику независимых интеллектуалов, сознававших необходимость изменить взаимоотношения между политической системой и социумом. Формировавшаяся в николаевскую эпоху идеология национальной исключительности, соответствовавшая имперской модели модернизации, отрицала автономность личности. Утверждение на официальном уровне приоритета самодержавной власти над личностью вело к расколу сознания.

Расширение культурного потенциала образованного общества, создававшегося путем творческого усвоения идей предшествовавших и современных культур, стало идейно-аксиологической основой формирования круга западников в 40-е гг. XIX века – «русских европейцев», либералов, персонистов, сознававших необходимость самоопределения общества, анализа содержания его духовного багажа, осмысления форм общественной деятельности, воздействовавшей на ценностные ориентиры различных социальных общностей.

Библиографический список

1. Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта [Текст] / А. С. Ахиезер : в 2 т. – М., 1997. – Т. 1.
2. Белинский, В. Г. Собрание сочинений : в 9 т. [Текст] / В. Г. Белинский. – М., 1976–1982.
3. Библер, В. С. О логической ответственности за понятие «диалог культур» [Текст] / В. С. Библер // Библер В. С. На гранях логики культуры. – М., 1997.
4. Бокова, В. М. Эпоха тайных обществ [Текст] / В. М. Бокова. – М., 2003.
5. Боткин, В. П. Литературная критика. Публицистика. Письма [Текст] / В. П. Боткин. – М., 1984.
6. Balicki, Andrzej. A History of Russian Thought: from Enlightenment to Marxism [Текст] / Andrzej Balicki. – Oxford. 1980.
7. Ветринский, Ч. Гуманист сороковых годов (Т. Н. Грановский) [Текст] / Ч. Ветринский. – М., 1906.
8. Гайденко, П. П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой [Текст] / П. П. Гайденко. – М., 2000.
9. Герцен, А. И. Собр. соч. : в 30 т. [Текст] / А. И. Герцен. – М., 1954–1966.
10. Жидков, В. С. Десять веков российской ментальности: картина мира и власть [Текст] / В. С. Жидков, К. Б. Соколов. – СПб., 2001.
11. Иванов-Разумник. История русской общественной мысли : в 3 т. [Текст] / Иванов-Разумник. – М., 1997.
12. Кантор, В. К. «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации. Исторические очерки [Текст] / В. К. Кантор. – М., 1997.
13. Карамзин, Н. М. Письма русского путешественника. Повести [Текст] / Н. М. Карамзин. – М., 1980.
14. Киреевский, И. В. Полн. собр. соч. : в 2 т. [Текст] / И. В. Киреевский. – М., 1911.
15. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 т. [Текст] / В. О. Ключевский. – М., 1989.
16. Кондаков, И. В. Культура России [Текст] / И. В. Ключевский. – М., 2000.
17. Лотман, Ю. М. История и типология русской культуры [Текст] / Ю. М. Лотман. – СПб., 2002.
18. Оболонский, А. В. Драма российской политической истории: система против личности [Текст] / А. В. Оболонский. – М., 1994.
19. Переписка Николая Владимировича Станкевича [Текст]. – М., 1914.
20. Познанский, В. В. Очерк формирования русской национальной культуры. Первая половина XIX в. [Текст] / В. В. Познанский. – М., 1975.
21. И будет вечен вольный труд... [Текст]. – М., 1988. – С. 136–137.
22. Радищев, А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву [Текст] / А. Н. Радищев. – М., 1939.
23. Репина, Л. П. История исторического знания [Текст] / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. – М., 2004.
24. Рудницкая, Е. Л. Поиск пути. Русская мысль после 14 декабря 1825 года [Текст] / Е. Л. Рудницкая. – М., 1999.
25. Самошина, Н. В. Проблема «Россия и Европа» в русской общественной мысли второй четверти XIX века [Текст] / Н. В. Самошина // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. – М., 2002.

26. Славянофильство и западничество: консервативная и либеральная утопия в работах Анджея Валицкого [Текст] / Анджей Валицкий. – М., 1991. – Вып. 2.
27. Страда, В. Западничество и славянофильство в обратной перспективе [Текст] / В. Страда // Вопросы философии. – 1993. – № 7. – С. 57–63.
28. Уткин, А. И. Запад и Россия: история цивилизаций [Текст] / А. И. Уткин. – М., 2000.
29. Федоров, В. А. Декабристы и их время [Текст] / В. А. Федоров. – М., 1983.
30. Федотов, Г. Судьба и грехи России: в 2 т. [Текст] / Г. Федотов. – СПб., 1992.
31. Хестанов, Р. А. Александр Герцен: импровизация против доктрины [Текст] / Р. А. Хестанов. – М., 2001.
32. Хоскинг, Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) [Текст] / Дж. Хоскинг. – Смоленск, 2000.
33. Цимбаев, Н. И. Европеизм как категория национального сознания (к пониманию западничества и славянофильства) [Текст] / Н. И. Цимбаев // Очерки русской культуры XIX века, т. 4. Общественная мысль. – М., 2003. – С. 457–496.
34. Чаадаев, П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма : в 2 т. [Текст] / П. Я. Чаадаев. – М., 1991.
35. Чижевский, Д. И. Гегель в России [Текст] / Д. И. Чижевский. – Париж, 1939.
36. Щукин, В. Русское западничество. Генезис, сущность, исторические корни [Текст] / Д. И. Чижевский. – Lodz, 2001.
37. Щукин, В. Г. Западничество [Текст] / В. Г. Щукин // Русская философия. Малый энциклопедический словарь. – М., 1995.
38. Якушкин, В. Е. Матвей Иванович Муравьев-Апостол [Текст] / В. Е. Якушкин // Декабристы в воспоминаниях современников. – М., 1988.